

Для цитирования: Орехов А. М. «Когнитивный стиль» российской социально-гуманитарной науки: обгон невозможен, но возможно опережение? // Социум и власть. 2019. № 3 (77). С. 7—14.

УДК 140.8

«КОГНИТИВНЫЙ СТИЛЬ» РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛЬНО- ГУМАНИТАРНОЙ НАУКИ: ОБГОН НЕВОЗМОЖЕН, НО ВОЗМОЖНО ОПЕРЕЖЕНИЕ?¹

Орехов Андрей Михайлович,

Российский университет дружбы народов,
доцент кафедры социальной философии,
доктор философских наук, доцент,
Российская Федерация,
117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6.
E-mail: orekhovandrey@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу когнитивных стилей в современных социально-гуманитарных науках. «Когнитивный стиль науки» — это совокупность правил и норм выбора способов объяснения и описания, построения и организации, доказательности и обоснования той или иной системы научного знания. Всего существует три когнитивных стиля: НПА-стиль («неопозитивистско-аналитический»), КГМ-стиль («Кант — Гегель — Маркс»), ФББ-стиль («Фуко — Бодрийяр — Бурдьё»). У каждого из этих стилей есть свои достоинства и свои «проблемные точки». Российская социально-гуманитарная наука исповедует КГМ-стиль, а западная наука в основном придерживается НПА-стиля. Для того чтобы догнать и опередить западную науку, российским ученым надо не подражать НПА-стилю, а развивать и углублять свою собственную КГМ-методологию. Стратегия российской социально-гуманитарной науки в современном научном пространстве — это не обгон, а опережение с использованием всего когнитивного потенциала КГМ-стиля.

Ключевые понятия:

социально-гуманитарные науки,
когнитивный стиль науки,
социология науки,
философия науки,
социальный реализм.

Введение

В последние пять — семь лет правительство Российской Федерации и Министерство образования и науки наконец ясно и точно сформулировали свою позицию в отношении перспектив и тенденции развития российской науки. Эта позиция выразилась в следующем: российская наука (включая социально-гуманитарную) должна предпринять усилия для того, чтобы войти в мировую научную элиту, а основным мерилем для ее возможного прогресса должны стать общепринятые наукометрические показатели (количество международных премий, число публикаций и число цитирований в международных базах цитирования Web of Science/Scopus, индекс Хирша в его международном измерении и др.).

Говоря слоганом советской эпохи, «откликаясь на данный призыв», российские ученые оказались в весьма щекотливом положении.

В-первых, непонятно, почему он прозвучал так поздно, и почему ему было непрозвучать раньше, например, на рубеже девяностых и нулевых годов? Во-вторых, почему он не сопровождается радикальным увеличением инвестиций в науку, — как это случилось, к примеру, в Китае? В-третьих, почему при этом международные научные фонды (фонд «Открытое общество», Фонд Маккартуров и др.), оказавшие неопределимую помощь российской науке в «лихие» девяностые годы, оказались объявлены «иностранными агентами» и не мытьем, так катаньем выдворены из страны? Чем они, собственно, помешали прогрессу российской науки?

Конечно, задача этой статьи не сводится к тому, чтобы объяснять всю *иррациональность* поступков российской бюрократии и нашей отечественной политической элиты. Надо признать иное: *разумная подоплека* в этом призыве имеется. Другое дело, что представители разных научных дисциплин оказались явно в неравном положении. Одно дело — российские математики, физики, химики, — которые *и без того* являются частью мировой научной элиты. Другое дело — российские социальные ученые и ученые-гуманитарии: они, наоборот, находятся в аутсайдерах мировой научной мысли, или, если выразиться совсем ясно, являются представителями «слабой» социальной науки, в то время, как, к примеру, западную социальную науку (в первую очередь, англо-американская) следует расценивать как «сильную» социальную науку².

Не существует дефицита в попытках объяснить указанную «отсталость» российской ² О понятиях «сильная» и «слабая» социальная наука см. [7].

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РУДН; инициативная НИР № 100114-0-000 «Человек и общество в контексте современности».

социально-гуманитарной науки — как *общую отсталость*, так и *ту, что можно измерить наукометрическими показателями*. Например, согласно С. А. Кугелю, слабость российской науки (в первую очередь, социально-гуманитарной) следует объяснять следующими факторами: 1) низкий уровень финансирования, непрозрачность финансирования, неразвитость грантовой системы; 2) невовлеченность ученых в управление наукой; 3) кадровая проблема, «утечка мозгов»; 4) отсутствие поддержки наиболее конкурентоспособной группы ученых; 5) несформированность системы научных коммуникаций в России [5, с. 52]. Подробный анализ *особенностей применения наукометрических показателей* к социально-гуманитарному знанию можно найти у А. И. Иванчика [3].

В частности, он отмечает:

«Необходимо осознать неприменимость наукометрических подходов для гуманитарных наук в нынешних условиях, что связано, прежде всего, с несовершенством имеющихся баз данных, и отказаться от их использования. Если в будущем удастся создать международные базы данных и индексы цитирования, в которых гуманитарные публикации будут отражаться с той же полнотой, с какой сейчас отражаются публикации по естественным наукам (не только по числу публикаций, но и по их объему), то к этому вопросу надо будет вернуться. В этом случае библиометрические данные, вероятно, смогут играть в гуманитарных науках ту же роль, что и в естественных, то есть роль удобного вспомогательного инструмента в руках квалифицированного эксперта. В нынешних условиях эксперт этого инструмента лишен» [3, с. 991].

Но и здесь мы встаем на *принципиальную позицию*, проблему «отсталости» российской социально-гуманитарной науки вряд ли стоит сводить исключительно к причинам *институционального характера* (финансирование и т. п.), — хотя, конечно, они также имеют значение¹. Весьма существенным источни-

¹ На второстепенное значение «институционального фактора» может указывать следующий пример из истории науки: на рубеже XVIII—XIX вв. Германия была слабым, раздробленным и отсталым государством на фоне куда более передовых Франции и Англии. Оклады и пенсии немецких профессоров ведущих германских университетов тоже были явно ниже, к примеру, окладов и пенсий профессоров Оксфорда, Кембриджа и Сорбонны. Но это не помешало немецким философам создать передовую для их эпохи «немецкую классическую философию». Разве этот не нравоучительный пример нынешним российским ученым, без конца сетующим на свое бедственное материальное положение и приводящим в качестве единственной причины собственной «исследова-

ком, продуцирующим данное отставание, является, с нашей точки зрения, *различие в когнитивных стилях*, используемых, с одной стороны, представителями западной науки, а с другой, российской, а также отсутствие у российских социальных ученых *грамотной научной стратегии, позволяющий им максимально использовать потенциал своего когнитивного стиля* в своих исследованиях, — об этом и пойдет речь в данной статье.

«Когнитивные стили науки» в социально-гуманитарном знании

Под понятием «когнитивный стиль науки» мы подразумеваем следующее: это совокупность правил и норм выбора способов объяснения и описания, построения и организации, доказательности и обоснования той или иной системы научного знания.

Схожие определения «когнитивного стиля науки» есть и у других авторов — например, у С. А. Лебедева:

«Когнитивный стиль науки — операциональная характеристика процесса научного познания, делающая акцент на специфике языка науки, его общих категорий, методов получения и обоснования знания, способов принятия когнитивных решений и их утверждений. ... Независимо от степени общности когнитивного стиля и особенностей различных конкретно-научных стилей мышления, они мало зависят от отдельных ученых, ибо принимаются ими в целом в силу профессиональной принадлежности и в этом смысле имеют объективный характер в отличие от индивидуального когнитивного стиля» [6, с. 403].

Анализ современной западной научной периодики (особенно англоязычных журналов первой и второй четверти Scopus — а там сплошь одни англо-американские издания) наводит на грустные мысли в отношении возможностей публикаций в них российских авторов: нас, российских социальных ученых, могут там просто *не понять* (в буквальном смысле этого слова) и *не принять* именно по причине иного «когнитивного стиля», несмотря на бесспорное наличие интересных и более чем инновационных идей. Эта потенциальная отечественная инновационность находится как бы за пределами «парадигмы инновационности» современной западной (особенно англо-американской) социально-гуманитарной науки, и кардинально отличается от нее «когнитивным стилем» поиска философской и научной истины.

На наш взгляд, в социально-гуманитарном знании начала XXI в. сложились три *когнитивных стиля* научного дискурса, которые *тепловой отсталости* низкий уровень финансирования образования и науки?

можно условно обозначить как НПА-стиль, КГМ-стиль и ФББ-стиль.

НПА-стиль («неолозитивистско-аналитический») — когнитивный стиль, базирующийся на логическом (логико-аналитическом) анализе научных проблем, со строгими правилами логического вывода, формализованный и частично математизированный, исключающий (или почти исключающий) спекулятивный метафизический дискурс, эмпирически заостренный (в том числе и посредством методологии «кейс-стади»).

Данный стиль является доминирующим в современных англо-американских журналах, а поскольку именно они составляют базу периодики Web of Science/Scopus, — то его следует считать доминирующим в самих Web of Science/Scopus.

КГМ-стиль («Кант — Гегель — Маркс») — когнитивный стиль, основанный на категориально-предметном анализе, с использованием абстрактных, метафизических категорий, с относительно свободным дискурсом, с нежестким применением правил логического вывода, при этом во многих случаях — социально-критичный (социально-заостренный) относительно существующей социальной реальности.

Применение в аббревиатуре имен трех великих мыслителей (Канта, Гегеля и Маркса) объясняется очень просто: Кант и Гегель фактически заложили основы категориального анализа и современной метафизики, а Маркс во многом сформировал критическое отношение (или скажем так: желание реализовать *критический анализ* или *критический дискурс*) касательно окружающего нас социального мира.

В каком научном регионе доминирует этот когнитивный стиль? Конечно же, это, в первую очередь, Россия и страны СНГ, частично — восточная Европа и Германия, а также Франция и Италия (неомарксизм и неогегельянство)

ФББ-стиль («Фуко — Бодрийяр — Бурдье»¹) — когнитивный стиль, основанный на постструктуралистско-постмодернистском анализе социальной реальности, где главными инструментами исследования выступают методы социального конструирования реальности, деконструкции, шизоанализа, «археологии знания» и т. п. Такой стиль отличается сверхсложностью и логической запутанностью доказательств (или даже полным их отсутствием), склонностью к парадоксам и неожиданными оппозициям, превращениям философских текстов в литературные эссе и т. п.

¹ Здесь с равным успехом на место Бурдье или Бодрийяра поставить, к примеру, Ж. Батая.

Две классических методологии, которые проповедуют стиль ФББ, как уже было сказано, рождены французской школой социально-гуманитарной мысли — это постструктурализм и постмодернизм, хотя их поклонников и подражателей можно отыскать во многих странах, включая, естественно, и Россию.

Проблемные точки в использовании основных «когнитивных стилей»

Каждый из этих когнитивных стилей по своему эвристичен и эффективен в достижении исследовательского результата. Однако вместе с тем у каждого есть свои методологические недостатки, или, лучше сказать, «проблемные точки», — хотя опять же следует заметить, что все они есть своего рода *продолжение* тех достоинств, которыми эти когнитивные стили обладают.

«Проблемные точки» НПА-стиля:

Мы бы указали здесь на четыре таких «точки»: 1) слабое внимание к концептам, концептуальная «неграмотность» и даже «концептуальная неразбериха»; 2) кейс-стади как основной метод доказательства; 3) излишний формализм; 4) излишнее доверие официальным авторитетам, перебор в «ссылочности».

Самое легкое здесь — это пункт третий: «излишний формализм». Для исследователя, исповедующего НПА-стиль, считается само собой разумеющимся максимально *формализовать* и даже *математизировать* свои исследования. Математические и логические формулы здесь стали неотъемлемой частью не только политологических, социологических и экономических, но, и, к примеру, философских статей. Надо сказать, у российского гуманитария, как у представителя КГМ-стиля, такой подход вызывает удивление, и он выглядит даже слегка *одиозным* и *слабодозащитным* в его глазах. Надо сказать, к тому есть основания. Любые формализации и математизации, всякое использование количественных подходов должны знать свою меру в социально-гуманитарных науках. Чрезмерное, неразборчивое увлечение ими, так характерное для НПА-стиля, наносит серьезный вред восприятию идей автора, в том числе представителями ФББ и КГМ-стилей.

Применение метода «кейс-стади» у представителей НПА-стиля в большинстве случаев подразумевает *приведение элементарных эмпирических примеров* для иллюстрации собственных теоретических (и порой даже спекулятивных, весьма абстрактных) положений. Поразительно, насколько порой такие случаи демонстрируют *невежественность* автора от-

носителем того, сколь *сложная корреляция существует между эмпирическим и теоретическим уровнем в социально-гуманитарном познании*, и как мало значит здесь теоретическая верификация через *простое приведение примера*. Причем этот недостаток можно считать столь *привычным* для представителя НПА-стиля, что эта «привычка» приводит их к классическому промаху для любого ученого: он начинает двигаться *от модели реальности к реальности модели*, а экзамен на соответствие модели реальности попросту *фиктивен* — ответ всегда будет «правильный» — поскольку любые «правильные примеры» здесь подобрать не составит никаких проблем.

Даже для таких современных и популярных методологических программ, как, например, программа «критического реализма», эта проблема — игнорирование сложной взаимосвязи между эмпирическим и теоретическим уровнем — встает со всей остротой, что и отмечает Дж. Ходжсон, критикуя реализм Т. Лоусона:

«Критические реалисты с полным правом делают акцент на важности причинно-следственных механизмов и глубинных социальных структур, однако это не решает поставленной задачи. Мне могут возразить, что критико-реалистическая теория существует не для этого: философия не может подменять собой науку. Но если так, то какой же смысл в *том единственном приведенном Лоусоном примере казуального объяснения промышленного спада* в Великобритании как «иллюстрации» критического реализма? Значение и даже сама возможность подобных иллюстраций подвергаются, таким образом, сомнению» [9. с. 47].

Перебор в «ссылочности», также, на наш взгляд, составляет серьезную проблему для представителей НПА-стиля (в этом аспекте стиль российских социально-гуманитарных публикаций нам представляется гораздо более свободным). При анализе публикаций практически всех англо-американских и европейских журналов может возникнуть ощущение «советского» *марксистско-ленинского периода*: здесь ссылка, там ссылка, и здесь ссылка, и там еще ссылка, — а где же ваше, *авторское, оригинальное, самобытное*? Зачем без конца ссылаться там, где можно обойтись без этого? Но формализация и ужесточение копирайта в западных странах фактически привело журналы *Web of Science/Scopus* к абсолютному «беспределу» ссылочности — такому, что в этом «беспределе» зачастую тонет даже самая оригинальная авторская мысль.

Но все это, опять же, грех малый. Самый серьезный упрек, который можно сделать представителям НПА-стиля — концептуальная «неграмотность», неумение работать с

концептами. Это то, что на наш взгляд, серьезно сдерживает прогресс англо-американской социально-гуманитарной науки, — и то, на чем, опираясь на авторитет Канта и Гегеля, — могла бы делать себе имя на Западе российская социально-гуманитарная наука...

Приведем соответствующие примеры.

Как, к примеру, можно говорить о «бегстве от реальности» в *гуманитарных науках*, на деле подразумевая науки исключительно *социальные*? [10]. Как экономисты, представители НПА-стиля могут бесконечно рассуждать о «социальной онтологии», когда их вотчина — только лишь *экономическая онтология*? [13]. Когда нами и всеми глубокоуважаемый патриарх «методологического цеха» израильский философ Джозеф Агасси вслед за Александром Розенбергом утверждает, что «социальная философия [всего лишь!! — А. О.] — метафизические предпосылки социальных наук» [11, р. 537], то от удивления остается просто разводиться руками: если *патриарх* так говорит, то, что же взять с остальных представителей НПА-стиля?

Следует также указать на «социологический империализм», когда «методы социологического исследования» изящно и просто *подменяются* «методами социальных исследований», «социологическая теория» также легко меняется на «социальную теорию», а «социологические институты» (которыми — исключительно! — только и может по своему статусу заниматься социология) легко меняются на «институты социальные», чем вносится, на наш взгляд, очень серьезная концептуальная неразбериха во весь понятийный аппарат социально-гуманитарного познания¹.

От всего этого «концептуального кошмара» (мы привели лишь малую часть возможных примеров) возникает известный вопрос: «*quo vadis?*» — *куда идешь*, западная социально-гуманитарная наука? Стоит ли нам идти вслед за ней?

Ответ он (здесь мы опережаем концовку этой статьи), — *идти надо, но делать это надо своей дорогой*, — на которой, впрочем, рифов и «идолов» (в том смысле, как их понимал Ф. Бэкон) и того больше...

«Проблемные точки» КГМ-стиля:

С нашей точки зрения, этот стиль имеет следующие проблемы: 1) спекулятивность; 2) «схоластичность», излишнее внимание к определениям, понятиям, концептам; 3) отсутствие того, что можно условно назвать *критической школой* «современного аналитического мышления».

¹ Этому, к сожалению, подражают и российские социологи. Критика «социологического империализма» в социальных науках: см. нашу работу [7].

«Спекулятивность» или, скажем так, отрыв от эмпирической реальности в пользу наращивания «категориальных» или «концептуальных мышц» — это, конечно же, весьма серьезная проблема КГМ-стиля. Погоня за сложным категориальным анализом ведет к излишней абстрактности и спекулятивности, — такого высокого уровня, что с трудом поддается любой верификации и фальсификации. Представитель НПА-стиля, анализируя, к примеру, публикации российских философов, задаст резонный вопрос: а почему у вас в ваших философских статьях так мало логических и математических формул? Где апелляция к практике, в том числе и посредством «кейс-стади»? Где живые примеры — «из жизни»? Где реальная социальная практика, которой проверяются ваши философские высказывания? Никакие доводы в пользу того, что философия — это самая изощренная в своих абстракциях научная дисциплина, тут не подействуют...

Вторая «проблемная точка» КГМ-стиля — это «схоластичность», когда многие положения и суждения представителей этого стиля тонут в бесконечном потоке определений, концептов, категорий и т. п. Потому сторонники НПА-стиля и ФББ-стиля могут сформулировать здесь следующее замечание представителям КГМ-стиля: *ваши мышление не только спекулятивно, но еще и схоластично. Вы не свободны от своих категорий, ваши категории управляют вами, а не вы — ими*, — с этим замечанием можно согласиться, хотя, вероятно, не в его полном формате...

Третий недостаток — отсутствие того, что можно условно назвать *школой* «современного аналитического и критического мышления». Этот недостаток скорее не следует из когнитивной природы стиля, а происходит из дефицита эвристических возможностей его применения. Проблема в том, что КГМ-стиль как бы *застыл* на эпохе Канта — Гегеля — Маркса (это XIX и, может быть, отчасти XX в.) и с тех практически не разрабатывается как *современный* (или, лучше сказать, *постсовременный аналитический стиль*). Он не разрабатывается, не развивается, не превращается в аналитический и критический инструмент исследования нашей эпохи постиндустриализма, постмодерна, «информационности» и т. п. Его эвристический, когнитивный потенциал задействован максимум на 5—10 %, — это в отличие от НПА-стиля, который работает, так сказать, на полную мощность. Мы после Канта — Гегеля — Маркса не создали почти ничего, что продвигало наше категориальное канто-гегелевское мышление в направлении современности. У нас нет *аналитической школы* (или, если

угодно, *школ*), которые могли продуцировать оригинальные и инновационные идеи *такого же эвристического уровня*, как имеются в НПА-стиле¹. Более того, мы еще к тому же утратили (и, судя по всему, надолго, если не навсегда) тот *дерзкий* критический настрой, что был, к примеру, задан великим критиком своей эпохи Карлом Марксом!

Пока это *самая серьезная проблема*, и как ее решить, мы пока не знаем².

¹ Приведем рассуждения нашего ведущего социального эпистемолога, член-корр. РАН И. Т. Касавина, который, побывав на стажировке в Оксфорде, оставил следующий отзыв об Оксфордском университете, о британской философии, и как мы полагаем, в целом об аналитических возможностях НПА-стиля: «Чему же нам учиться у мировой философии [в консервативном Оксфорде]?.. Однако, при всей внешней схожести ситуаций, надо признать, что консерватизм консерватизму рознь. Одно дело, когда он вытекает из государственной идеологии, а другое — из культурной традиции. В первом случае социальная система стремится тиражировать универсальное мировоззрение в отдельных головах, а в другом — студент под руководством тьютора осваивает узкую область знания, а на ее основе — начала философского метода, чтобы в дальнейшем иметь возможность изучать все, что потребуется, — от трансцендентальной апперцепции до маркетинга. Оказывается, что органически сформированная философская традиция — даже уверенная в своей национальной самодостаточности, лишенная выраженной самокритики отчетливых стремлений синтезировать все достижения мировой культуры, есть значимый элемент этой самой культуры. Социально-культурная обусловленность, национальное своеобразие и «островные несовершенства» британской философии не только не мешают культивировать ей свободную и мыслящую личность и наводить прочные мосты между философией и наукой, философией и религией, философией и другими сферами культуры, но, напротив, являются существенными условиями выполнения ею этих функций» [4, с. 465]. Нотабене: скажите, а где подобное есть у нас в России?

² Конечно, нам могут возразить, — например, относительно философии: а как же Мамардашвили? Ильенков? Щедровицкий? Да, это фигуры, и фигуры серьезные, но реального толчка развитию КГМ-методологии они так и не дали. Любопытный случай: недавно мой коллега, сторонник системного подхода и ММК-методологии с восторгом рассказывал, как они, наконец, установили контакты с такими же «системщиками» с Запада и теперь ездят к ним на конференции, заимствуют их идеи, обмениваются опытом и т. п. Мне захотелось спросить: а почему же мы к ним, а не они к нам? Неужели западным «системщикам» нечего взять из Щедровицкого и вообще идей ММК-школы? Почему они нам диктуют идеи, а не мы им? Это показательный пример того, насколько низко пала современная КГМ-методология в сравнении с НПА-методологией.

«Проблемные точки» ФББ-стиля:

Несмотря на свои достоинства, этот когнитивный стиль также подвержен определенным изъянам: 1) «заумность», погоня за оригинальностью в ущерб простоте и доступности; 2) релятивизм — особенно в отношении проблемы истины; 3) ориентация этого стиля, в первую очередь, на гуманитарные, и в последнюю очередь, на социальные науки.

Первый изъян ФББ-стиля и ФББ-методологии можно иллюстрировать классическим примером [8]. В один из французских журналов была послана абсолютно псевдонаучная статья. И эта *псевдостатья* была принята к публикации! И только потому, что в своей «зауми» она оказалась соответствующей той постмодернистско-постструктуралистской методологии, которая доминирует во многих научных журналах, исповедующих ФББ-стиль.

Релятивистская интерпретация проблемы истины также создает серьезную проблему для ФББ-стиля — особенно это касается постмодернизма:

«В постмодернистской социокультурной ситуации и познавательная деятельность часто трактуется как открытое пространство бесконечных трансформаций и интерпретаций. В свете этого социальное познание понимается как действия индивидов по конструированию различных миров из множества элементов, включенных в различные виды практики, эти действия не регламентируются ничем, кроме коммуникативных связей. Интерес к универсальным законам вытесняется интересом к отдельному и особенному. Так как постмодернистское мировоззрение иначе определяет место человека в мире, оно обладает более слабыми предсказательными возможностями, чем каузальное, и оно не нацелено на поиск общих безусловных исторических законов, а дает лишь контуры объяснений, которые тоже историчны и случайны. Постмодернист не спрашивает: «Истинно ли это?», он задает вопрос: «Какое это имеет значение?» [2. с. 47].

Наконец, третья «проблемная точка»: ориентация ФББ-стиля в первую очередь на гуманитарные науки и гуманитарные междисциплинарные науки, такие, как филология, языкознание, культурология, философия. Социальное знание, выраженное экономикой, социологией, правом, политологией, остается как бы на обочине у исследователей, исповедующих ФББ-стиль. Особняком здесь, пожалуй, стоит лишь Пьер Бурдьё с его глобальной конструктивистской социальной теорией, а вот, например, попытка Ж. Бодрийяра создать «политическую экономию знака» [1] (да еще с марксистским вектором!), с нашей точки зрения, могут лишь сочтены успешны-

ми лишь в некоторых частностях (например, идея «симулякра»), а в целом их влияние на развитие современной экономической науки оказалось незначительным...

Заключение: «к первоочередным задачам российской социально-гуманитарной науки»

Как можно определить задачи российской социально-гуманитарной науки в отношении использования как своего собственного научного потенциала, так и эвристического потенциала КГМ-стиля?

Все просто — надо аналитически продвигать и развивать свой собственный КГМ-стиль, вывести его наконец из *стоячего болота*, в котором он пребывает последние десятилетия. Надо продвигать его в мировую науку, доказывать его состоятельность, в том числе, в контексте критики тех «проблемных точек», что есть у НПА-стиля и ФББ-стиля. Наша стратегия — *это не обгон, а опережение* (см. ниже).

Легко сказать, трудно сделать. Ибо тут начинается самое интересное: прежде чем *научиться* критиковать представителей НПА-стиля и ФББ-стиля, надо *знать их работы* (в том числе и самые свежие), ибо критика без знания оных есть не что иное, чем проявление *невежества* (ученого или не-ученого, пусть читатель решает сам).

Но многие ли из современных российских социальных ученых и ученых гуманитариев способны на это? Способны хотя (до того, как начать *критиковать*) к диалогу с современной западной социально-гуманитарной наукой?

Увы, только немногие. *Именно в этом* (а вовсе не в недостатке финансирования, как может показаться) заключается *самая большая точка* нашей социально-гуманитарной науки.

Здесь вспоминается пушкинское: «*мы ленивы и нелюбопытны*»...

Да, именно это и это, в первую очередь — *ленивы и нелюбопытны!* Потому вовсе не недостаток финансирования и недостаток внимания к российской социально-гуманитарной науке являются главными причинами ее «слабости» и «отставания» от мировой социально-гуманитарной, а, как не печально это будет сказано, совсем другое: нежелание российских ученых *учить всю свою жизнь*, их невосприимчивость к мировым научным достижениям, закоснелость в собственной «провинциальности», а также неумение грамотно выстроить личную исследовательскую стратегию, используя весь необъятный эври-

стический потенциал КГМ-стиля, — все это, вместе взятое, имеет *гораздо большее значение*, чем недостатки в финансировании и бюрократически дефектное управление наукой.

Надо помнить следующее: что доказать, что мы что-то стоим в плане научных идей, *надо нам прийти к ним (представителям НПА-стиля)*, а не ждать, пока *они придут к нам*. Потому надо (и в этом мы полностью согласны с последними установками правительства Российской Федерации и Министерства образования и науки) — надо публиковаться в журналах Web of Science/Scopus, надо их *завоевывать*, и даже (!!!) надо их *отвоевывать* у представителей НПА-стиля. Конечно, надо продвигать свои российские журналы, чтобы они также числились в первых квартилях Web of Science/Scopus, делая их (хотя бы частично) англоязычными.

Снова зададимся вопросом: может ли современная пока «отсталая» российская социально-гуманитарная наука *обогнать* западную (в первую очередь, англо-американскую и французскую, исповедующие стили НПА и ФББ) социально-гуманитарную науку?

Ответим категорически: *нет, не может!* Для этого нет никаких абсолютно никаких перспектив на ближайшие десятилетия. *Обгон* невозможен особенно в том случае, если мы будем пытаться *подстраиваться под них, подражать им*, увязать в тех же «проблемных точках», что есть у когнитивных стилей НПА и ФББ.

Однако если, к примеру, вспомнить «Правила дорожного движения», помимо понятия «обгон» там есть еще и понятие «опережение». Обгон — это когда транспортное средство покидает свою полосу, обходит по другой полосе иное транспортное средство, а затем возвращается на свою полосу. Опережение — это когда транспортное средство обходит другое транспортное средство *по своей полосе*. Именно в этом и должна заключаться стратегия современной социально-гуманитарной науки в России — в *опережении* — и в это *опережение* должен быть вовлечен весь *необъятный критический и аналитический потенциал* КГМ-стиля. *Обгон невозможен, но возможно опережение* — вот каким должен быть лозунг, девиз дня для современных российских социальных ученых и ученых-гуманитариев.

Примеры же, когда российские ученые уже *диктовали* свои правила западной социально-гуманитарной науке, используя весь креатив КГМ-методологии, имеются: С. Н. Булгаков — «философия хозяйства» как новый взгляд на проблематику экономической науки и экономического знания, М. М. Бахтин — оригинальная концепция генезиса и развития гумани-

тарного знания в контексте *автора и героя*, русский космизм (Н. Ф. Федоров, К. Э. Циолковский, В. И. Вернадский). С определенными оговорками сюда можно отнести цивилизационные концепции Н. Я. Данилевского и Л. Н. Гумилева, тектологию А. А. Богданова, софиологию В. С. Соловьева.

Но, к сожалению, опять же: мы пока не видим сегодня в России *сильных теоретиков и философов, способных на такой подвиг*, — даже с указанием на уважаемых членов и член-корреспондентов РАН¹. Однако надежда, что они появятся в будущем, хотя и бы далеком, остается всегда — на то она и надежда.

1. Бодрийяр Ж. К критике политической экономики знака. М. : Библион, 2003. 272 с.

2. Зыкова Г. Н. Постмодернистская культура и социальное познание // Философия и общество, 2001. № 4. С. 156—175.

3. Иванчик А. И. Особенности оценки исследователей и исследовательских программ в гуманитарных науках // Вестник РАН. 2018. № 11. С. 985—991.

4. Касавин И. Т. Оксфордские доны: опыт микросоциологии // Социальная эпистемология: идеи, методы, программы. М. : Канон+, 2010. С. 449—465.

5. Кугель С. А. Человеческий фактор новых научных направлений: пути становления, роль научной элиты // Социология науки и технологий. 2013. № 2. С. 49—57.

6. Лебедев С. А. Философия науки : кр. энцикл. М. : Академический проект, 2008. 698 с.

7. Орехов А. М. Социальные науки как предмет философского и социологического дискурса. М. : Инфра-М, 2014. 172 с.

8. Сокал А., Брикмон Ж. Интеллектуальные уловки: критика современной философии постмодернизма. М. : Дом интеллектуальной книги, 2002. 248 с.

9. Ходжсон Дж. Критический реализм и экономическая наука // Вопросы экономики. 2006. № 7. С. 40—51.

10. Шапиро И. Бегство от реальности в гуманитарных науках. М. : Территория будущего, 2011. 386 с.

11. Agassi J. Introduction Philosophy of Social Science. Review: Rosenberg, Alexander. "Philosophy of Social Science", fourth edition. Boulder : Westview Press, 2012 // Philosophy of Social Sciences. 2014. № 44 (4). P. 536—550.

12. Hayden F. An evaluation of institutional matrices. Theory which designed to illustrate differences between Russian and Western political economies // Journal of Economic Issues. 2017. Vol. 51. № 2. P. 467—475.

¹ Исключения возможны: укажем, в частности, на статью С. Г. Кирдиной-Чандлер [11] в журнале «Journal of Economic Issues» (Scopus Q1) и обсуждение ее теории «институциональных матриц» на страницах этого журнала [напр., 12].

13. Kirdina-Chandler S.G. Institutional matrices theory, or X- and Y-theory. A response to F. Hayden // *Journal of Economic Issues*. 2017. Vol. 51. № 2. P. 476—485.

14. Symposium on Explanations and Social Ontology: Introduction // *Economics and Philosophy*. 2002. No. 18. P. 209—210.

References

1. Baudrillard J. (2003) K kritike politicheskaoji ekonomii znaka. Moscow, Bibliion Publ., 272 p. [in Rus].

2. Zykova G.N. (2001) *Filosofija i obschestvo*, no. 4, pp. 156—175 [in Rus].

3. Ivanchik A.I. (2018) *Vestnik RAN*, no. 11, pp. 985—991 [in Rus].

4. Kasavin I.T. (2010) Oxfodskie dony: opyt mikrosotsilogii // *Sotsial'naja epistemologija: idei, metody, programmy*. Moscow, Kanon+ Publ., pp. 449—465 [in Rus].

5. Kugel' S.A. (2013) *Sotsilogija nauki i tehniki*, no. 2, pp. 49—57 [in Rus].

6. Lebedev S.A. (2008) *Filosofija nauki*. Moscow, Akademicheskij proekt Publ., 698 p. [in Rus].

7. Orekhov A.M. (2014) *Sotsial'nye nauki kak predmet filosofskogo i sotsiologicheskogo diskursa*, Moscow, Infra-M Publ., 172 p. [in Rus].

8. Sokal A., Brikmon J. (2002) *Intellectual'nye ulovki: kritika sovremenij filosofii postmodernisma*. Moscow, Dom intellektual'noji knigi Publ., 248 p. [in Rus].

9. Hodgson G. (2006) *Voprosy ekonomiki*, no. 7, pp. 40—51 [in Rus].

10. Shapiro I. (2011) *Begstvo ot real'nosti v gumanitarnykh naukakh*, Moscow, Territorija Buduschego Publ., 386 p. [in Rus].

11. Agassi J. (2014) *Philosophy of Social Sciences*, no. 44 (4), pp. 536—550 [in Eng].

12. Hayden F. (2017) *Journal of Economic Issues*, vol. 51, no. 2, pp. 467—475 [in Eng].

13. Kirdina-Chandler S.G. (2017) *Journal of Economic Issues*, vol. 51, no. 2, pp. 476—485 [in Eng].

14. Symposium on Explanations and Social Ontology: Introduction (2002). *Economics and Philosophy*, no. 18, pp. 209—210 [in Eng].

For citing: Orekhov A.M.

“Cognitive style” of Russian social-humanitarian science: overtaking is impossible,

but is outstrippnig possible? //

Socium i vlast' 2019. № 3 (77). P. 7—14.

UDC 140.8

“COGNITIVE STYLE” OF RUSSIAN SOCIAL-HUMANITARIAN SCIENCE: OVERTAKING IS IMPOSSIBLE, BUT IS OUTSTRIPPNI G POSSIBLE?

Andrey M. Orekhov,

Peoples' Friendship University of Russia,
Associate Professor of the Department Chair
of Social Philosophy,
Doctor of Philosophy, Associate Professor,
The Russian Federation,
117198, Moscow, ulitsa Miklukho-Maklaya, 6.
E-mail: orekhovandrey@yandex.ru

Abstract

The paper is devoted to analyzing cognitive styles in contemporary social-humanitarian sciences.

«Cognitive style of science” is a complex of rules and norms of choosing the ways to explain and describe, construct and organize, prove and ground some system of scientific knowledge or other. There are three cognitive styles: the NPA (“neopositivist-analytical”)-style, the KHM (“Kant-Hegel-Marx”)-style, and the FBB (“Foucault-Baudrillard-Bourdieu”)-style. Every style has its own virtues and «problem points”. Russian social-humanitarian science admits the KHM-style, but western science is mainly grounded on the NPA-style. In order to catch up and outstrip western science, Russian scholars should not imitate the NPA-style, but develop and deepen their own KHM-methodology. The strategy of Russian social-humanitarian sciences in contemporary scientific context should not be considered as overtaking, but outstripping with applying all cognitive potential of the KHM-style.

Key concepts:

social-humanitarian sciences,
“cognitive style of science”,
sociology of science,
philosophy of science,
social realism.